

ФИЛОСОФСКИЙ ПРОЕКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ

Н О В Ы Е
Т Е Р М И Н Ы
И П О Н Я Т И Я

УДК 1(038)
ББК 87я2
Ф 563

Российский
научный
фонд

РОССИЙСКИЙ
ФОНД
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

*Работа выполнена при поддержке:
Гранта РНФ № 18-18-00442 «Механизмы
смыслообразования и текстуализации в социальных
нарративных и перформативных дискурсах и практиках»
в Балтийском федеральном университете им. И. Канта
(составление, редактирование, послесловие);
Гранта РФФИ № 18-511-00018 «Распределение знания
в сетевом обществе: взаимодействие архаических
и современных форм» (ряд словарных статей)*

Ф 563 Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2 / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетей, 2020. – 544 с. – (Тела мысли).

ISBN 978-5-00165-110-9

Проективный словарь содержит термины и понятия, которые очерчивают новые горизонты мышления и обогащают язык философского сообщества. Первый выпуск «Философского проективного словаря», вышедший в 2003 г., был оценен как методологический прорыв и стал заметным событием отечественной мысли, активно вводящей собственную проблематику и инновационные стратегии в мировую философскую культуру. Второй выпуск предназначен для самостоятельного восприятия и использования и содержит около 190 словарных статей десяти авторов. В сравнении с первым выпуском, расширен круг проблем, охвачены области смежных дисциплин, где философия пересекается с культурологией, политикой, социологией, религией, экологией, лингвистикой, семиотикой, информатикой, теорией искусственного разума. В словаре отражаются и предвосхищаются культурные, технические, социальные процессы XXI в., требующие новых способов философской артикуляции.

Словарь предназначен для исследователей, преподавателей и всех интересующихся творческими возможностями современной философии, ее путями в будущее.

ISBN 978-5-00165-110-9

9

7 8 5 0 0 1 6 5 1 1 0 9

УДК 1(038)
ББК 87я2

© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Алетей» (СПб.), 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. Как пользоваться словарем	15
ВВЕДЕНИЕ.	

О проективном словаре и проективном мышлении (<i>М. Эпштейн</i>)	18
---	----

Статьи в алфавитном порядке	30
---------------------------------------	----

-А-

АВТОПОЛЕМОС (autopolemos)	
АВТОПРОЕКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ (person as self-project)	
АВТОСЕМИКА (autusemics)	
АЛМАЗНОЕ ПРАВИЛО (diamond rule)	
АМОРТ (amort)	
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МЕРА (anthropological measure)	
АРХЕСЕМИКА (archesemics)	
АУТМЕНТАЦИЯ (augmentation)	

-Б-

БИОПОЛИТИКА ЗОМБИ (biopolitics of the zombie)	
БИОСОФИЯ (biosophy)	
БЛАГОПОДЛЮСТЬ (benemalence), см. Введение	
БОЛЬ (pain)	

-В-

ВЕКТОРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ (vectoral typology for persons)	
ВИР (vir)	
ВИРЕАЛЬНОСТЬ (vireality)	
ВИРТОНАВТИКА (virtonautics)	
ВИРТУАЛИСТИКА (virtualistics)	
ВИРТУАЛЬНЫЙ ПАНТЕОН (virtual pantheon, virtual cemetery)	
ВИТ (vit)	
ВИТАЛИСТИКА (vitalistics)	
ВИТОВЕРИФИКАЦИЯ (vito–verification)	

ВМЕНЯЕМОСТЬ, ответственность (responsibility)

ВОЛЯ (will)

ВООСЯЗАНИЕ (tactile imagination)

ВОССОЗНАНИЕ (ecognition)

ВОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ (humanification)

ВСЕКТО и ВСЕЧТО (allbody, allthing)

ВСЕЧЕЛОВЕК (panhuman)

ВЫВЕРТ (twist)

-Г-

ГИПООРОДИНАМИЯ И ОДОРОДЕФИЦИТ (hypo-oro-dynamics and odor-deficit)

ГИПО- (hypo-) (префикс)

ГИПОРЕАЛЬНОСТЬ (hyporeality)

ГОП- (hoodlum), ГОП-ПОЛИТИКА, ГОП-ЭКОНОМИКА и пр.

ГОРЯЧЕЕ / ХОЛОДНОЕ ОБЩЕСТВО (hot / cold society)

ГРАММАТОСОФИЯ (grammatosophy)

ГУМАНИСТИКА (the humanities)

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (techno-humanities)

-Д-

ДЕГЕОМЕТРИЗАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ (degeometrization of thinking)

ДУОМОНИЗМ (duomonism)

ДУШЕВНОСТЬ (soulfulness)

-Е-

ЕСМЬ-ИСТИНА (am-truth)

-З-

ЗАШНУРОВЫВАЮЩАЯ МЕТАФОРА (lacing metaphor)

ЗЛОБРО (goodevil)

-И-

ИМПРОВИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ (collective improvisation)

ИНОМЕРНОСТЬ (other-dimensionality)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ (institutionalization of ideas)

ИНТОКСОФИКАЦИЯ (intoxophication, intoxication by sophia)

ИНТЕНСИВНОСТЬ (intensity)

ИНФИНИЦИЯ (inifinition), см. Введение
ИНФОРМАГИЯ (informagic), фамическая функция знака
(famic function of sign)
ИПСЕИЗМ (ipseism)
ИСТОРЕМА (historeme)
ИСТОРИИ ПО ЖИЗНИ (life stories)

-К-

КАЛОДИЦЕЯ (kalodicy)
КВАДРИВИУМ СЕМИОТИЧЕСКИЙ (semiotic quadrivium)
КВАЗИОБЪЕКТ (quasi-object)
КВАНТАЗМ (quantasm)
КВАРТЕРНАЯ МОДЕЛЬ ЗНАКА (quaternic model of sign)
КОММУНИКАНТ (communicant)
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ЭКСПРЕССИОНИЗМ (conceptual expressionism)
КОПИАП (copyup)
КОРПОРА (corpora), КОРПОРУС (corporus)
КРЕАТЕМА (createme)
КРЕАТИВНОСТЬ (creativity)
КРЕАТОРИКА (creatorics)
КУЛЬТУРНАЯ МОНСТРОЛОГИЯ (cultural monstrology)

-Л-

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, когнитивная культурология
(cultural theory of language,
cognitive theory of culture)
ЛИРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЛИРОСОФИЯ (lyrical philosophy, lyrosophia)
ЛОГОПОЛИС (logopolis)
ЛОГОПОЭЙЯ (logopoeia)

-М-

МАРКЕТИЗАЦИЯ (marketization)
МАТЕРИОСОФИЯ (materiosophy)
МГНОВЕЧНОСТЬ, МГНОВЕЧНОЕ (momenternity)
МЕДИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ (media turn)
МЕДИАФИЛОСОФИЯ (media-philosophy)

МЕСТОМИГ (place-moment)
МИНУС-ОБЪЕКТ (minus-object)
МНОГОВЛАСТИЕ, или ПОЛИКРАТИЯ (polycracy)
МНОГОМИРИЕ (multiversality)
МОДАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА И ДЕЙСТВИЯ (modal feelings and actions)
МУЛЬТИВЕРСАЛИЯ (multiversal)
МУЛЬТИКОСМИЗМ (multicosmism)
МЫСЛЕБЫТИЕ (thinking-being)

-Н-

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СЕМИОЗИС (national semiosis)
НЕВЫРАЗИМОЕ (inexpressible)
НЕ-НЕБЫТИЕ (non-nonbeing)
НЕТИФИКАЦИЯ (netification)
НЕТСКАПИЗМ (netscapism)
НОВЕЙШЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (Newest Middle Ages)
НООВЕГЕТАЦИЯ (noovegetation), НООВИТАЛИЗМ (noovitalism)
НООКРАТИЯ (noocracy)
НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНЫЕ СИСТЕМЫ (normative-value systems)

-О-

ОДНОСЛОВИЕ (univerbum)
ОКСЮМОРОНИМ (oxymoronym)
ОНТОТЕХНИКА (ontotechnology)
-ОСТН- (istic) (суффикс)
ОСТРАНЕНИЕ ОСТРАНЕНИЯ (defamiliarization of defamiliarization) ОТРИЦАТЕЛЬНО-НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ (negative-indefinite pronouns)

-П-

ПАНФОБИЯ, МИРОЗЛОБИЕ (panphobia)
ПЕРЕ-ЖИВАНИЕ (ex-perience)
ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ (personalistic argument)
ПЕРФОРМАНС КАК КОНВЕРСИВ ТОПОСА (performance as conversion of topos)
ПОВОРОТЫ В ФИЛОСОФИИ (turns in the philosophy)
ПОЗА ЛОГОСА (pose of logos)

ПОЛИПОЛИТИКА (polypolitics)
ПОЛИСОФИЯ (polysophy)
ПОЛИТИКОЗ (politicosis)
ПОП-РЕЛИГИЯ (pop-religion)
ПОСТАТЕИЗМ (post-atheism)
ПОСТТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ (posttheoretical thinking)
ПОТЕНЦИОСФЕРА (potentiosphere)
ПРОЕКТИВНОСТЬ (projectivity)
ПОЭТИКА ЧЕРНОВИКА (poetics of draft)
ПРАВОСЛАМИЕ (orthoslam)
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ (spatial turn)
ПСИХЕМА (psycheme)
ПСИХОКРАТИЯ (psychocracy)
ПУСТОТЫ (voids)
ПУСТОВОДСТВО (emptistry)

-Р-

РЕАЛ (realdom)
РЕАЛИТЕТ (reality as institution)
РЕАЛЬНОСТЬ РЕАЛЬНОСТИ (reality of reality)
РЕВЕРСИЯ, ОБРАТИМОСТЬ (reverse)
РЕИЗМ (reism)
РЕЛИГАРХИЯ (religarchy)
РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ МАНИЯ (referential mania)
РУССКАЯ ТЕОРИЯ (Russian theory)

-С-

САМОБЫТИЕ (self-being)
САМОЕ-САМОЕ (the most)
САМОИДЕНТИЗВАНСТВО (self-made calling and identification)
САМООЧИЩЕНИЕ (self-cleaning, grooming)
СВОЕПРАВИЕ (self-righteousness)
СВОЕЧУЖДОСТЬ (self-otherness)
СВЯТОБЕСИЕ (sacromania)
СЕМИОКОСМОЛОГИЯ (semiocosmology)
СИМПСИХОЗ (sympsychosis)
СИНТЕЛЛЕКТ, СОРАЗУМ (syntellect)
СКРИПТОРИКА (scriptorics)

СМЕРТСТВОВАТЬ (to be deathing)
СМЫСЛ (sense–meaning)
СОБЫТИЕ (event, co–being)
СОФИОФИЛИЯ, МУДРОЛЮБИЕ (sophiophilia)
СОЦИДЕЛИКИ, СОЦИДЕЛИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА (sociodelics)
СОЦИОНЕТИКА (socionetics)
СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ (ways of identification for person)
СТРАДОСТЬ (joy-suffering)
СУБ-ОБЪЕКТ (sub-object)
СУЩЕСТВУЕМОЕ (beable)

-Т-

ТАВТОСОФИЯ (tautosophy)
ТАНАТОКРАТИЯ (tanatocracy)
ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ (text of culture)
ТЕКСТОИД (textoid)
ТЕКСТОНИКА (textonics)
ТЕКСТУАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ (textual empire)
ТЕКСТУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (textual revolution)
ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ (theological turn)
ТЕРМИНОСОФИЯ (terminosophy)
ТЕХНОВИТАЛИЗМ (technovitalism)
ТЕХНОГУМАНИЗМ (technohumanism)
ТЕХНОМОРАЛЬ (technomorality)
ТЕХНОТЕИЗМ (technotheism)
ТОПОХРОН (topochron)
ТОТАЛЬГИЯ (totalgia)
ТРАНСДИСЦИПЛИНЫ (trans-disciplines), трансформативные дисциплины, трансгуманистика (trانشumanities)
ТРАНССЕМИКА (transemics)
ТРАНССОЦИАЛЬНОЕ, ТРАНССОЦИУМ (transsocial)
ТРАНСФОРМАЦИЯ (transformation)
ТРИАЛОГ (trialogue)

-У-

УНИВЕРСНЫЙ ПРИНЦИП (universality principle)

-Ф-

ФИЛОГНОЗИС (philognosis)
ФИЛОГИПОНОИЯ (philohiponoia)
ФИЛОСОФИЯ СЕМИОТИКИ (philosophy of semiotics)
ФИЛОСОФИЯ ЧЕГО-ТО (philosophy of something)
ФИЛОСОФСКОЕ ДЕЙСТВИЕ (philosophical action)
ФИЛОСОФСКОЕ ЧУВСТВО (philosophical emotion)
ФОЛЬКОСОФИЯ, НАРОДОМУДРИЕ (folksophia)
ФРАКТАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ (fractal democracy)
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИМИТАЦИИ
(fundamental philosophical imitations)
ФУТУРОСКОПИЯ (futuroscopy)
ХРОНОКРАТИЯ (chronocracy)
ХРОНОСОМА (chronosome)

-Ч-

ЧЕЛОВЕК Одномерный, Многомерный, Иномерный (one-dimensional, multidimensional, otherdimensional human being)
ЧЕЛОВЕК (chelovek)
ЧЕЛОВЕЩЬ, ЧЕЛОВЕЩНОСТЬ (human-thing, human-thingness)
ЧЕТЫРЕ МИРА (system of four worlds)
ЧРЕЗМИРНОСТЬ (transworldness)
ЧУДОВИЩНОЕ (monstrous), или ВОЗНИЖЕННОЕ (low-sublime)

-Ш-

ШИЗОФАШИЗМ (schizofascism)

-Э-

ЭГОНАВТИКА (egonautics)
ЭГОНЕТИКА (egonetics)
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ АЛЬГОДИЦЕЯ (existential algodicy)
ЭКЗИСТОЛОГИЯ и ЭССЕНЦИОЛОГИЯ (existology and essentialology)
ЭКОБРАЗ ЖИЗНИ, экологический образ жизни (ecological lifestyle)
ЭКОГУМАНИСТИКА (ecohumanities)
ЭКОТАЖ, экологический саботаж (ecodefense, ecotage, ecological sabotage)
ЭКОФАШИЗМ (ecofascism)

ЭКОЭТИКА, экологическая этика (coethics, environmental ethics)
 ЭКСПЛОЗИВ, взрывной стиль (explosivism)
 ЭРОТЕМА (eroteme)
 ЭРОТОСФЕРА (erotosphere)
 ЭССЕМА (esseme)

-Ю-

ЮЗЕРИЗМ и АНТИЮЗЕРИЗМ (userism and antiuserism)

Однословие как философская наррация и поступок. (Вместо послесловия) <i>(Г.Тулъчинский)</i>	481
Приложение. Отклики на первый выпуск «Проективного философского словаря»	492
ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	506
АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	522
ОБ АВТОРАХ	533

ВВЕДЕНИЕ

О проективном словаре и проективном мышлении

...Отношение понятия к языку не сводится только к критике языка, но включает также и проблему отыскания языка. Вот что представляется мне поистине великой, захватывающей драмой философии: что философия — это постоянное усилие отыскания языка или, скажем с еще большим пафосом, постоянная мука нехватки языка... Словесная находка играет в философии явно исключительную роль.

*Ганс-Георг Гадамер.
История понятий как философия*

Гуманитарное творчество и жанр проективного словаря

Вопреки расхожему представлению, что создание новых слов — дело писателей, философия даже более глубинно втянута в этот процесс, более зависима от способности языка образовывать новые слова, которые содержали бы квинтэссенцию данной понятийной системы. Философский неологизм — итог движения мысли, которая проходит через множество ступеней доказательства, разворачивается в многотомных словесных построениях... — чтобы в конце концов не найти лучшего воплощения, чем в одном-единственном слове, которое увековечит

чивает мысль, как знак ее пребывания в самом языке, а не просто в отдельных текстах. Слово «идея», возведенное Платоном в философскую категорию («обобщенный умопостигаемый и бытийствующий признак»), уже навсегда вобрало в себя мысль Платона, и тот, кто пользуется этим термином, вольно или невольно становится платоником, даже если он антиплатоник по своим взглядам. Язык обслуживает самые разные мировоззрения, которые только потому и могут спорить и противоречить друг другу, что говорят на общем языке. Точно так же мысль Вл. Соловьева или М. Бахтина трудно представить вне тех словесных построений, которые они вводили в русскую гуманитарную мысль: «всеединство», «Богочеловечество», «софиология», «многоголосие», «участность», «внезаходимость»...

Поскольку мышление осуществляется в языке, то всякая новая мысль требует нового выражения, а радикально новая мысль, парадигмальный сдвиг в науке, — нового языка. Создатель влиятельной школы и методологии ТРИЗ Г.С. Альтшуллер подчеркивал, что изобретательство необходимо требует изменения смысла существующих терминов или даже создания новых терминов, отвечающих интеллектуальному прорыву в решении технических задач. «Исходная терминология сковывает воображение изобретателя. Семинары по мет.д.ке изобретательства показали, что успешное решение задачи во многом определяется умением "расшатать" систему исходных представлений»¹.

Джонатон Китс, философ-художник и редактор лингвистического раздела в самом влиятельном англоязычном журнале по новым технологиям *Wired*, исследовал происхождение и эволюцию многих новых терминов, таких как «кубит», «сингулярность», «твит» и «копилефт», появление которых сопровождало или даже стимулировало определенные социальные и технологические тенденции. Китс подчеркивает «замечательный симбиоз научных и лексических инноваций, их мощную коэволюцию. Идеи вдохновляют слова, которые в свою очередь

¹ Альтшуллер Г.С. Алгоритм изобретения. — М.: Московский рабочий, 1973. С. 122.

формируют идеи, и так *ad infinitum*. Язык — наша первая, возможно, самая действенная технология, которая развивается вместе с человечеством как видом и способствует всем другим технологическим достижениям, от сельского хозяйства до интернета... Учитывая, что язык может повлиять на мысль, можно наблюдать воздействие слов на науку и технологию»¹.

На языке лингвистики это свойство высказывания осуществлять то, что оно описывает, называется перформативностью. Проективные термины предвосхищают и определяют концептуальную структуру тех явлений, которые они самим наименованием вызывают к жизни. Например, Пауль Крутцен, нобелевский лауреат по химии, в 2000 г. предложил термин «антропоцен» для обозначения текущей геологической эпохи, сменяющей голоцен. Термин оказал глубокое влияние на экологическое мышление и политику, так как воздействие человека на окружающую среду теперь стало рассматриваться как самостоятельный геологический фактор.

Существуют разные типы гуманитарных словарей и энциклопедий, но все они — дескриптивные, т.е. описывают термины, которые раньше уже употреблялись (в мировой или национальной философии, определенной школой или автором). Таков обычный путь терминов: от использования в текстах — к фиксации и систематизации в словаре. *Проективный словарь*, напротив, не регистрирует, а предвосхищает, проектирует будущие дискурсы и тенденции в развитии дисциплины, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей. К традиционному словарю (дескриптивному) обращаются за пояснением слов, встреченных при чтении ранее написанных текстов. Там действует система отсылок «текст — словарь». Статья в проективном словаре отсылает не к какому-то конкретному тексту, поскольку данное слово раньше не использовалось или использовалось в ограниченном кругу текстов (принадлежащих самому автору и его единомышленникам). Здесь действует связь: «словарь — возможный текст» — т.е. текст,

¹ Keats, Jonathon. *Virtual words: Language on the edge of science and technology*. New York, NY: Oxford University Press, 2011, p. VIII.

который может быть создан на основе словаря, с учетом того нового понятия, которое вводится в язык.

Философия, как и любые дисциплины, не может развиваться без обновления своей концептуально-терминологической системы. Именно жанр *проективного словаря* представляется наиболее прямой и емкой формой для изложения новых концептов и введения их в общественное и научное сознание.

Проективность как мет. д.мышления

Такой переход от описательно-обобщающих к созидательным функциям словаря совпадает с ходом общегуманитарного развития последних десятилетий и отчасти предвосхищает его следующий этап. В философии XX в., особенно его второй половины, преобладала *лингво-аналитическая* ориентация, в разной степени характерная и для европейского структурализма и постструктурализма, и для англо-американской аналитической традиции: анализ повседневного, научного и собственно философского языка, его семантических, грамматических и логических структур. Переход к *синтезу* языка, к системному построению новых понятий и терминов, знаменует собой новый поворот философии, который обещает придать ей более творческий характер в XXI веке. Сейчас как никогда свежо звучит призыв Ф. Ницше:

«Философы догадываются только напоследок, что они не могут уже больше пользоваться готовыми понятиями, не могут только очищать и выяснять их, но должны сначала с о з д а т ь, с о т в о р и т ь их, установить их и убедить в них»¹.

Эта же задача ставится в трудах Ж. Делеза и Ф. Гваттари, направленных именно на масштабное обновление философского языка, синтез новых концептов и терминов:

«...Философия — дисциплина, состоящая в *творчестве* концептов... Поскольку концепт. д.лжен быть сотворен, он связан с

¹ *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (кн. 2, III). М.: Культурная революция, 2005. С. 236.

философом как человеком, который обладает им в потенции, у которого есть для этого потенция и мастерство. На это нельзя возражать, что о "творчестве" обычно говорят применительно к чувственным вещам и к искусствам... Собственно, науки, искусства и философии имеют равно творческий характер, просто одна лишь философия способна творить концепты в строгом смысле слова. Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел... Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто. <...> Платон говорил, что следует созерцать Идеи, но сперва он должен был сам создать концепт Идеи. Чего стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов?»¹.

С точки зрения делезовской «концептологии», лингвистическому повороту предстоит смена вектора: из аналитической — в синтетическую фазу. Проективный словарь — дальнейшее и радикальное развитие этой тенденции. Если предмет философии: универсалии, идеи, общие понятия, категории — представлен прежде всего в языке, то задача философии — не просто исследовать, но и *расширять существующий язык, лексические поля, синтезировать новые концепты, вводить новые языковые правила, увеличивать объем говоримого — а значит, и мыслимого и потенциально существующего.*

Сходные процессы «словаризации» творческого процесса происходят и в других областях культуры, даже таких далеких от философии, как кино, где возникает т. н. «database narrative» (термин Льва Мановича), т. е. «повествование, основанное на базе данных». Не фильм снимается по сценарию, а сценарий составляется по тем образам, картинкам, которые имеются в базе киноданных, в видеословаре. Сначала *кинотезаурус*, потом составленный из его единиц видеоряд, *кинотекст*. Причем из одного ресурса образов можно создать разные кинотексты, выражающие идеи и позиции разных авторов. Так и в данном словаре латентно содержится множество текстов, которые мо-

¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (кн. 2, III). М.: Культурная революция, 2005. С. 236.

гут работать от энергии предложенных слов-понятий, реализуя разные их смысловые возможности. Проективный словарь — это порождающая модель расходящегося ряда гуманитарных текстов, способных иметь противоположную направленность, воплощать разные концепции, защищать разные позиции, но при этом использовать общий терминологический ресурс.

Проективность может быть понята как свойство не только словарного жанра, но и мет.д. мышления. «Проективизм» как мет.д.сочетает в себе такие интеллектуальные традиции, которые считаются трудно совместимыми: ницшевскую философию жизни и витгенштейновскую философию языка — витализм и лингвизм. **Лингговитализм** — это расширение жизненного пространства философского языка, умножение его мыслимостей и говоримостей. Согласно аналитической традиции, идущей от позднего Л. Витгенштейна, философия, как «критика языка», призвана изучать языковые игры, уточнять значения слов, понятий и правил, используемых в речевых практиках: в быту, науках, искусствах, разных профессиях. Но философия имеет и другое призвание: вести *собственную языковую игру*, постоянно пересматривать и расширять ее правила, концептуальную основу, объем ее лексических и грамматических единиц, мыслеобразов и мыслеформ. По теории Л. Витгенштейна, язык не говорит «правду» о мире, не отражает наличные факты, «атомы» мироздания, но играет по собственным правилам, которые различаются для разных дискурсивных областей, типов сознания и поведения. «Термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что *говорить* на языке — компонент.д.ятельности или форма жизни».¹ «Игра» и «жизнь» — вот ключевые понятия, которые сближают Витгенштейна с Ницше: в языке должна играть та же самая жизнь, которая играет в природе и в истории.

Но тогда и задача философии как *метаязыка*, описывающего и уточняющего «естественный» язык, состоит не в «правдивом анализе языка», но в том, чтобы сильнее «раскручивать» свою собственную языковую игру. Основная предпосылка

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с франц. С.Н. Зенкина. — СПб.: Алетейя, 1998. С. 14–15.

аналитической философии — язык как игра — содержит в себе опровержение чистого аналитизма и ставит перед философией совершенно иную, синтезирующую, конструктивную задачу: не говорить правду о языке, как и язык не говорит правду о мире, но укреплять и обновлять жизнь самого языка, раздвигать простор мыслимого и говоримого. Здесь ницшевский *витализм* приходит на помощь аналитически тонкому, но конструктивно бедному витгенштейновскому *лингвизму* и переносит на язык все те заповеди могущества, доблести, отваги, которые Ницше обращает к жизни. Перефразируя Ницше, можно сказать, что философия — это воля к власти: не сверхчеловека над миром, а *сверхязыка над смыслом*. Как выразился один из мыслителей советской эпохи, «слову не дано быть точным, остается быть дерзким»¹.

В этом смысле дерзость словотворчества, *витальность самого языка* и является методологической основой системно-проективного подхода к задачам и возможностям гуманитарных наук. Словарь представляет собой опыт гипотетического дискурса, так сказать, рассеивания тех понятий-семян, которые могут дать всходы в новой генерации гуманитарных текстов.

От анализа языка к синтезу новых концептов

Покажем, как создаются новые концепты на примере двух терминов — этического («благоподлость») и логико-лингвистического («инфиниция»). Эти словопонятия синтезируются из уже существующих языковых элементов мет. д.м альтернативного переосмысления и перекомбинирования.

«Благоподлость»

Суждение «глупость есть порок» может рассматриваться аналитически, в манере Джорджа Мура, одного из зачинателей

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования, фрагм. 23, в его кн.: Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1. С. 90.

английской лингвистической философии, как эквивалентное суждениям «я плохо отношусь к глупости» или «глупость вызывает у меня негативные эмоции». Однако анализ сам по себе интеллектуально тривиален, тавтологичен, если он не ведет к попыткам новых синтезов. Приведем ряд синтезирующих вопросов и суждений. Всегда ли глупость — порок или в определенных ситуациях она может быть добродетелью? Если ум может служить орудием порока, то не может ли глупость служить орудием невинности? Вспомним слово «благоглупость», введенное в язык М. Салтыковым-Щедриным: как сочетаются в ней добро и зло? Если возможна «благоглупость», то не возможна ли и «благоподлость»?

«Благоподлость» кажется сомнительным оксюмороном: если нехватка ума еще может сочетаться с благими намерениями, то как быть с извращением воли? Можно ли предавать, мучить, кощунствовать с благими намерениями? Очевидно, можно, и диапазон примеров очень широк: от Великого Инквизитора у Ф. Достоевского до Павлика Морозова в советской агиографии. Великий Инквизитор во имя блага, сытости и довольства людей отнимает у них тяжелый, мучительный дар свободы. Павлик Морозов, как и тысячи «настоящих советских людей», повинуюсь внушенным ему представлениям об общественном благе, доносит властям на своего отца.

Таким образом, суждение «глупость есть порок», тривиальное как предмет анализа, может стать основой для синтеза далеко не тривиальных суждений и словообразований, таких как «благоподлость». Наша формализация операций языкового синтеза включает символ ÷ (обелюс), знак логической бифуркации, альтернативы, выдвигаемой из анализа данного суждения.

Исходное положение: глупость есть порок.

Глупость может быть пороком ÷ или, при определенных условиях, добродетелью.

Одно из условий добродетели — доброе, благое намерение.

Благое намерение может ÷ осуществляться или не осуществляться.

Глупость может д.латься с благими намерениями, которые не осуществляются — Благоглупость.

Подлость может делаться с благими намерениями, которые не осуществляются, — **Благоподлость**.

Благоподлость — подлость, принимаемая или выдаваемая за нечто полезное и благотворное, «подлость во спасение» (как бывает «ложь во спасение»)¹. Такими взрывчатыми оксюморонами полна действительность и XX, и XXI веков. Мы уже знаем, как революционный порыв к свободе приводит к величайшему рабству и как железной рукой загоняют человечество к счастью. Нам знакомы по истории XX века оруэлловские «министерство правды» и «министерство любви». Эта ирония самой истории — да и многих повседневных житейских историй — выражается новым оксюмоном.²

«Инфиниция»

Приведем еще один пример синтеза нового словопонятия. «Дефиниция» — важный термин философии и лингвистики. Существует множество дефиниций «дефиниции» и таких ее разновидностей, как «аналитическая», «контекстуальная», «увещающая», «уточняющая», «прескриптивная» дефиниции и др. Но поставим такой вопрос: все ли слова поддаются дефиниции? И не может ли быть такой дефиниции, которая выявляла бы именно существенную неопределимость понятия?

Такой тип определения мы назовем **инфиницией**, *infinition*. Это сращение двух слов, *definition* (определение) и *infinity* (бесконечность), происходящих от одного латинского корня *finis*, конец, предел. По-русски «определение» и «беспредельность», срастаясь, дают такое же по смыслу слово «беспределение».

¹ По-английски «благоподлость» можно передать неологизмом «*benemalence*» (*well-intended meanness*), по аналогии и контрасту с «*benevolence*», «благожелательность».

² Учение Якова Абрамова в изложении его учеников. Составление и предисловие М. Н. Эпштейна, в кн. ЛОГОС. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Книга 1. Разум. Духовность. Традиции. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 211.

Исходное положение: *дефиниция* — определение предмета или значения.

Предмет или значение могут быть определяемыми ÷ или неопределяемыми. *Дефиниция* — определение того, что определимо.

Инфиниция — определение того, что неопределимо.

Инфиниция — бесконечно отсроченная дефиниция, которая определяет некое понятие и вместе с тем указывает на его неопределимость. Инфиниция демонстрирует множественность возможных определений предмета и одновременно недостаточность каждого из них и невозможность полного определения как такового. Понятие инфиниции может быть связано с понятием актуальной бесконечности и парадоксами теории множеств у Г. Кантора и с теоремой о неполноте К. Гёделя.

Инфиниция — это не только конструируемое нами сейчас понятие, это реальность, которую оно позволяет обнаруживать и заново оценивать во множестве классических и современных текстов. Инфинициями изобилуют писания Лао-цзы, Чжуан-цзы и других даосистских мыслителей; сочинения по апофатической теологии, в частности, трактаты Псевдо-Дионисия Ареопагита; работы Жака Деррида и других последователей деконструкции.

Инфинировать — «беспределять», снимать предел, откладывать определение, простирает его в бесконечность. Например, обычно **инфинируются** (а не дефинируются) такие понятия, как «дао», «Бог», «différance», «деконструкция»...

Примеры инфиниций:

«Причина всего, суцая превыше всего, не есть нечто лишённое сущности, или жизни, или разумения, или ума; не есть тело, не имеет ни образа, ни лика, ни качества, ни количества, ни толщи, не пребывает в пространстве, незрима и неосязаема, неощущаема и не ощущает...» (Псевдо-Дионисий Ареопагит).

«...Différance не есть, не существует, оно не есть присутствие-бытие в какой-либо форме; и нам придется также очертить все то, что оно не есть, то есть всё...» (Ж. Деррида. Différance).

Основополагающие теологические, философские, психологические понятия, такие как Бог, Единое, Сущее, Абсолют, Дух, Бытие, Любовь, подлежат инфинициям скорее, чем дефинициям. По сути, любая система мышления имеет в своем основании

понятия, которые не могут быть определены в рамках данной системы, но используются для определения других, выводимых из них понятий. Такие системообразующие понятия-первоначала инфинируются, включая указания на свою неопределимость. В каждой дисциплине есть тоже свои инфинируемые понятия, например, *мудрость* — в философии, *слово* — в лингвистике, *душа* — в психологии. В экзистенциальной психологии «я» — это функция ухода, смещения, саморефлексивной трансгрессии, предмет не дефиниции, а *инфиниции*.

Подведем итог. Если анализ находит в суждении сочетание таких элементов, как *abc*, синтетическая процедура порождает сочетания *bca* или *cba* — новую мыслимость, еще неопознанный ментальный объект, требующий своей интерпретации, нового акта анализа и последующего синтеза. Г. В. Лейбниц полагал искусство синтеза более важным, чем анализ, и определял его как *алгебру качеств*, или *комбинаторику*, «в которой речь идет о формах вещей или формулах универсума, т. е. о *качестве* вообще, или о сходном и несходном, так как те или другие формулы происходят из взаимных комбинаций данных *a, b, c* и т. д., и эта наука отличается от алгебры, которая исходит из формул, приложимых к количеству, или из равного и неравного».¹ Разумеется, синтез — это не только комбинаторика, это и **креаторика**, создание неизвестного на основе перекombинации, переинтеграции известного. Это новый уровень системной целостности всех прежних и заново вводимых знаков и их смысловых отношений.

Итак, *синтез языка*, или *конструктивный лингвоцентризм* — альтернатива долго господствовавшему анализу языка, или деконструктивному лингвоцентризму. Это направление в философии ставит своей задачей синтез новых терминов, понятий и суждений на основе их языкового анализа. Где есть вычленимые элементы суждения, там возникает возможность иных суждений, иного сочетания элементов, а значит, и область

¹ По-английски «благоподлость» можно передать неологизмом «bene-malence» (well-intended meanness), по аналогии и контрасту с «benevolence», «благожелательность».

новой мыслимости. Словарь представляет собой опыт эвристического дискурса, так сказать, рассеивания тех понятий-семян, которые могут д.ть всходы в новой генерации гуманитарных текстов.

Словарь в целом носит системный характер, но это особый тип *центробежной* системы, которая предполагает артикуляцию множественных понятий, не сводимых к одной компактной схеме, предельно общему изначальному понятию. Такая центробежная система понятий, расходящихся в разные предметные области, отличается от более известных *центростремительных* систем, образцом которых является «Энциклопедия философских наук» Гегеля. Центробежный тип мышления не подчиняет весь материал истории и культуры общему исходному принципу, а, напротив, порождает «расширяющуюся вселенную» многообразных интеллектуальных практик, которые все дальше удаляются друг от д.уга в пространстве потенциальных прочтений и текстов. Эта открытая система построена на доверии к читателю как сомышленику и сотворцу.

Михаил Эштейн

**СТАТЬИ
В АЛФАВИТНОМ
ПОРЯДКЕ**

А

АВТОПОЛЕМОС (Autopolemos; от *греч.* αὐτός — сам; πόλεμος — война) — спор с самим собой. Автополемос видит во внутренней гармонии источник стагнации и смерти; жить полноценно — значит противоречить себе. Платон-философ против Платона-поэта, Пастернак-поэт против Пастернака-философа, Витгенштейн поздний против Витгенштейна раннего, Платонов-антикоммунист против Платонова-коммуниста, «Песни опыта» Блейка против его же «Песен невинности», «Даная» Рембрандта (1646) — поверх холста «Данаи» (1636). Но ничто не может быть отвергнуто окончательно. «Жалкая беспомощность» двухголового человека (Парменид), вроде бы не способного, как буриданов осел, на последний выбор, превращается в абсолютную творческую силу, что мы можем наблюдать, например, в творчестве С. Кьеркегора — одновременно этика, эстетика и рыцаря веры.

В широком смысле **А.** присутствует в самых разных переживаниях: от сомнения до раскаянья, от чувства вины до рефлексивности как таковой, от аскезы до самоубийства, от борьбы с искушением до преодоления собственных пределов. В узком — это выдвижение против одного тезиса, с которым ты себя отождествляешь, другого тезиса, не менее значимого для тебя. Эта «естественная антитетика разума» (И. Кант) коренится в исходной автополемичности существования, в базовой и нередуцируемой амбивалентной структуре перехода между подлинным (бытием самим собой) и неподлинным (бытием не самим собой), которую описал М. Хайдеггер.

Литература

Ахутин А.В. Тяжба о бытии. — М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

Библер В.С. Мышление как творчество. — М.: Политиздат, 1975.

Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994.

Лехциер В.Л. Спор о споре, или Колючая изнанка методологии // Вестник Самарского государственного университета. 2004. № 3 (33).

- Лехциер В.Л.* Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. — Самара: Самарский университет, 2007.
- Савченкова Н.М.* Альтернативные стили чувственности. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

Виталий Лехциер

АВТОПРОЕКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ (Person as Self-Project) — характеристика позиционирования и самопозиционирования личности, свойственная современности.

Исключительные возможности «самопроектной» идентичности дают современные информационные технологии, средства связи и коммуникации. В интернете человек может выступать под самыми разными «никами», строить и позиционировать различные проекты самого себя — вне зависимости от возраста, пола, гражданства, этнической принадлежности и т. п. За одним интернетовским ником могут скрываться несколько лиц, а за несколькими — один и тот же. Более того, в этой виртуальной реальности человек может д.биться вполне конкретного социального признания, состояться как личность в большей с — ни, чем в реальной жизни.

Успехи генной инженерии, трансплантологии, протезирования и т. п. позволяют д.же саму телесность личности рассматривать как достаточно пластичную форму. Тело из «темницы души» на глазах постепенно, но достаточно интенсивно превращается в костюм, который можно не только украшать, перекраивать, но и менять. Разнообразные пластические операции, вплоть до операций по смене пола, — убедительный пример такого рода.

Основной персонаж современности — личность как автопроект, постоянно корректируемый самим автором-исполнителем. Не только творческая, политическая деятельность, деловая активность, спорт выступают в наши дни полем реализации таких проектов. Это становится обыденным опытом [3].

Именно этим объясняется беспрецедентный взлет престижа профессии актера — лицедея, еще в начале прошлого столетия профессии сомнительной: во времена А.П. Чехова, а тем более А.Н. Островского, к актерам, актрисам относились как к людям

второго сорта, прежде всего, как к людям бесстатусным. Ныне же их личная жизнь, одежда, диеты, болезни, их времяпрепровождение, их планы, их дети — главные события в потоке новостей. Они — «звезды», которые и на льду танцуют, и боксируют, и экстрим преодолевают, и возглавляют партийные списки на выборах.

Современная личность не просто продукт мегаполисов. Она — проект в условиях глобализации и информатизации. И не просто проект, а проект, предполагающий успешность реализации как бренда.

В условиях массовой культуры проблема личности заключается в том, чтобы реализоваться как некоему бренду — в буквальном смысле [2]. На первый план выходит выбор проекта, автором которого является сам человек. При этом речь идет о довольно конкретной технологии разработки и реализации такого проекта, включающей выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации [1]. Это буквально — применение маркетинговой технологии: формирование собственной востребованности, спроса на себя — не только на рынке труда, но и в социальных отношениях, в личной жизни, в быту. Более того, срок жизни такого личностного проекта совпадает со сроком «жизни» товаров и соответствующих брендов — не более 5–7 лет, причем этот «культуральный возраст» никак не связывается с возрастом биологическим. Личностные бренды могут быть раскручены и в детстве, и в глубоко пожилом возрасте. Можно долго, как Аленушка у пруда, сидеть и ждать своей судьбы: работы, личного счастья. Но если ты чего-нибудь хочешь, ты обязан об этом заявить. Если ты хочешь, чтобы о тебе знали, надо о себе сообщать, выводить себя в информационное, социальное, экономическое, политическое, культурное пространство. Возможности для такого самопродвижения в наше время исключительные. Информационные технологии, глобализация создают потрясающие перспективы установления личных и профессиональных контактов.

Впору говорить о персонологии товара, о маркетинге как жизненной стратегии и вообще — о технологии современной жизни. Золотое правило маркетинга: продавать не то, что произво-

дишь, а производить то, что будет продано. «Не рассказывайте им про свои семена, расскажите им про их газон». Личность как товар, общество как рынок, жизнь как маркетинг? Пространство брендов — не пространство людей. Достаточно вспомнить Майкла Джексона — яркий автопроект, выстроенный вне расовых, гендерных, возрастных, а в чем-то уже и просто человеческих признаков. И тогда в каком смысле автопроект — «авто»? Получается, что слухи о ведущей роли самой личности сильно преувеличены. Автопроект, как «автопилот», способен вести личность «на автомате», когда сам человек — лишь пассивный материал чьей-то востребованности и технологии.

В этой связи чрезвычайно важной становится роль образования, которое не может ограничиваться только передачей совокупности дисциплинарных знаний и обучением стандартным навыкам. Система общего и профессионального образования должна не только учить элементам самоопределения и самопозиционирования личности, но и выступать площадкой реализации и продвижения личностных проектов.

Открытая многомерность современной личности иногда пугает, настораживает. Однако, как представляется, можно говорить о серьезном достижении цивилизационного развития. Дело в том, что любая идентификация совершенно не отменяет другие, а дает личности новую жизненную компетентность. Личность не фиксируется в жесткой социальной скорлупе, наоборот — перед нею открываются новые «окна возможностей», большая свобода выбора и реализации жизненной стратегии, выбора самих стратегий. И такая свобода неизбежно сочетается с ответственностью, которой наделяется именно сама личность, а не ее «поводыри». Но всегда ли готовы семья, школа, конкретный педагог, общество в целом к такой постановке дела?

Примечания

- [1]. *Леонтьев Д.А.* Феномен свободы: от воли к автономии личности // Только уникальное глобально. Личность и менеджмент. Культура и образование. — СПб., 2007. С. 64–89.
- [2]. *Тульчинский Г.Л.* Личность как автопроект и бренд: некоторые следствия // Философские науки. 2009. № 9.

- [3]. *Тульчинский Г.Л.* Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности // Человек.ru. Гуманитарный альманах. № 4. Антропологические практики в искусстве. — Новосибирск, 2008. С. 42–66.

Григорий Тульчинский

АВТОСЕМИКА (Autosemics; от греч. αὐτός — сам; σημα — знак) — одна из дисциплин *квадривиума семиотического* (см.), а также соответствующий тип семиотических отношений. **А.** — отношение знака (знаковой системы) к самому себе, к своей собственной структуре. **А.** — необходимое следствие автокоммуникации (термин Ю.М. Лотмана). Отношение друг к другу разных редакций одного и того же текста является автосемическим. Один и тот же знак, погружаясь в разные контексты, изменяется автосемически. Возможна эволюция знака — от буквальности (автологии) к символикке. Такая автосемическая эволюция осуществляется в интерпретации знака (текста). Например, вся трансформация значений слова «идея» от Античности до наших дней является по существу автосемической.

Литература

Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. — СПб., 2004. С. 163–177.

Шелковников А.Ю. Философия семиотики. — М., 2006.

Андрей Шелковников

АЛМАЗНОЕ ПРАВИЛО (Diamond Rule) — правило этики, согласно которому индивидуальность деятеля и уникальность его дара составляют нравственный критерий поведения. «**Делай то, в чем нуждаются другие и чего на твоём месте не мог бы сделать никто другой**». «**Лучший поступок тот, в котором наибольшая способность одного отзывается на наибольшую потребность других**».

А. п. формулируется на фоне и по контрасту с общеизвестным *золотым правилом*, которое основано на взаимности, оборачиваемости воле, на том, что объединяет людей. Как я должен вести себя по отношению к другому, так и другой должен вести себя по отношению ко мне, и наоборот. Золотое правило независимо формулировалось Конфуцием, еврейским мудрецом Гиллелем и Иисусом в Нагорной проповеди. «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Матф. 7 : 12). Отсюда и заповедь «не делать другим того, чего себе не хотите» (Деян. 15 : 29). В основе золотого правила, как и впоследствии в основе кантовского категорического императива, лежит заменяемость нравственного субъекта: следует поставить себя на место кого-то другого, поступать так, как он поступил бы с тобой согласно твоим желаниям, или так, чтобы другие могли принять в качестве образца максимум твоего поведения. В этом самая суть классического понимания нравственности: ты подлежишь как объект тем же самым действиям, которые производишь как субъект. Отсюда закон справедливости: с тобой поступают так, как ты поступаешь с другими. Как X хочет, чтобы с ним поступал Y, пусть X поступает по отношению к Y.

Но ведь X и Y — разные люди, у них разные способности и разные потребности. Поэтому напрашивается иное правило: *пусть* каждый использует свои наибольшие способности для осуществления наибольших потребностей других людей. Все люди желают разного и способны к разному, а потому полная оборачиваемость субъекта и объекта не может составить единственное основание этики. Если ты по дару и призванию художник, то работать кистью, а не молотком или лопатой, — это и есть выполнение твоего нравственного долга, вопреки тому, что об этом думают непросвещенные массы или тоталитарные режимы, которые охотно пользуются золотым правилом в целях уравниательства.

Со временем потребность исходить при определении нравственного закона из абсолютной *единичности, незаменимости* каждого нравственного субъекта становится все настоятельнее. Таково учение апостола Павла о различии духовных даров:

одному дается слово мудрости, другому – слово знания, этому – вера, тому – чудотворение, иному – разные языки... (1 Кор. 12 : 4–11). «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией» (1 Пет. 4 : 10). «И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием» (Рим. 12 : 6–8) [1]. Именно это различие даров лежит в основании **А. п.** и **этики дифференциальной, разностной** (см.), которую можно выразить в следующем принципе:

Поступай так, чтобы твои наибольшие способности служили наибольшим потребностям других людей.

То, что могу я, никто в целом мире не может сделать вместо меня. Высшую нравственную ценность представляет именно мое отличие от других людей и их отличие от меня, *отличие* каждого от каждого. Применимость **А. п.** определяется конкретной ситуацией, совокупностью факторов, соотносящих уникальность дара и меру его востребованности в данных обстоятельствах, которые могут меняться. Скрипач приносит наибольшую пользу людям не тогда, когда, мобилизованный на трудовой фронт, берет в руки лопату или топор, а когда берет в руки смычок. Конечно, рубя деревья на дрова или вскапывая грядки под картошку, он мог бы принести практическую пользу обществу, но в обычной ситуации рубить и копать может каждый. И только в редкой ситуации, например, когда мужское население истреблено и способность копать или рубить становится уникальным даром, скрипач обязан делать то, чего вместо него не может сделать никто другой. Обязан уже не социально, а именно этически — не для общества, а для замерзающих, голодающих, гибнущих.

Двойной, **алмазно-золотой** критерий нравственности предполагает свершение того, чего никто не мог бы совершить на моем месте, т.е. меру индивидуального дара в сочетании с мерой всечеловеческой нужды. В «Архипелаге ГУЛАГе» (глава

«Арест») Солженицын вспоминает с горечью, что при аресте у него не нашлось мужества сопротивляться, по крайней мере крикнуть, предупредить сограждан. «Почему же я молчу? Почему ж я не просвещаю обманутую толпу в мою последнюю гласную минуту?» Но так закричать среди толпы в принципе мог всякий, хватило бы дыхания в легких. А чтобы такой крик мог прозвучать на 200 миллионов, на весь земной шар, — для этого нужен был именно Солженицын, и не такой, каким он был в 1945 г., а каким он стал в 1960–1970 гг., уже пройдя через 11 лет ГУЛАГа и годы литературного труда... *Уникальность*, а не только универсальность есть мера нравственного действия.

В «осевую эпоху» (VIII–II вв. до н. э.), когда, согласно Карлу Ясперсу, закладывались основы универсальной, сверхплеменной, общечеловеческой морали, установка на различия могла расшатать и разрушить эти основы. Однако теперь очевидно, что только этика **всеразличия** (см.) может спасти от релятивизма как чисто отрицательной реакции на традиционную мораль, ее универсальные нормы и каноны. Человеку не удается до конца поставить себя на чье-то место, обобществить свое «я» — и потому он начинает осмыслять свою субъективность как вне- или антинравственную, как право на вседозволенность.

Между тем именно эта несводимость единичного к всеобщему и может стать источником новой нравственной энергии, изливающейся в мир не по старым, пересохшим руслам. На эту тему много размышляли русские философы — Н. Бердяев, Л. Шестов, М. Бахтин, который в своей «Философии поступка» строит этику «долженствующей единственности»: «То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может. Единственность наличного бытия обязательна. Этот факт *моего не-алиби* в бытии, лежащий в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка...» [2] Нравственно — делать для других то, чего не мог бы сделать никто другой вместо меня: быть *для других*, но не *как другие*.

У Марины Цветаевой, вынужденной в эмиграции зарабатывать литературной поденщиной, есть такая запись: «Я не паразит, потому что я работаю и ничего другого не хочу, кроме как работать: но — *свою* работу, не чужую. Заставлять меня

работать чужую работу бессмысленно, ибо ни на какую кроме своей и черной (таскать тяжести, прочее) неспособна» (1932) [3]. Здесь возникает важное понятие: *своя работа*, т.е. та, которая поручена именно мне и которую никто не исполнит лучше меня. Нравственность не изолирована от «своего», от области индивидуальных даров и талантов. Среди множества должествований каждого человека есть такие, которые совпадают с его призванием; более того, верность своему призванию, своей исключительной способности — едва ли не главное из должествований. Отсюда формулировка, отнюдь не отменяющая всеобщности золотого правила, но вставляющая в его «золотую оправу» драгоценный камень индивидуального дара, **алмазный критерий единственности: «Делай то, чего на твоём месте могли бы желать другие, включая тебя, и чего не мог бы сделать никто, за исключением тебя».**

Два вопроса образуют критерий нравственности:

- Хотел бы ты сам стать *объектом* своих действий?
- Может ли кто-нибудь другой стать *субъектом* твоих действий?

Лучшее действие — то, которое согласуется с *потребностями наибольшего* и *возможностями наименьшего* числа людей; действие, объектом которого хотел бы стать сам деятель, но субъектом которого не мог бы стать никто, кроме него самого. Первый критерий — универсальность морального действия, второй — уникальность. Мораль невозможна ни без того, ни без другого. Следовательно, формулировка правила должна звучать следующим образом: **«Действуй так, чтобы ты сам желал стать объектом своего действия, но никто другой не мог стать его субъектом».**

Итак, **А. п.** не заменяет собой золотого, но вырастает из него, определяя более конкретно нравственный вектор действия в самых рядовых, типических ситуациях, причем значимость **А. п.** возрастает, когда нравственная ситуация усложняется, и золотое правило оказывается чересчур общим.

Нравственность — это не мера личных способностей и не мера общественных потребностей, а изменчивая мера соотношения тех и других. Поэтому этика несводима к эстетике или

психологии, которые имеют дело с индивидуальными способностями, с талантом и гением. Но точно также этика несводима и к социально-историческим условиям, которые определяют меру потребности в тех или иных поступках индивида. Мораль — подвижное равновесие всеобщего и индивидуального, причем в **А. п.** именно индивидуальное различие оказывается нравственным императивом, именно непохожесть людей, единственность их даров и оказывается основанием их общественного призвания.

***Всеразличие, Противозовие, Стереэтика, Этика дифференциальная (разностная).**

Примечания

- [1]. Вообще теория даров представляет сравнительно мало разработанное направление христианской этики, хотя на этот счет, помимо евангельской притчи о талантах, имеется немало других увещаний.
- [2]. *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985.* — М.: Наука, 1986. — С. 112.
- [3]. *Цветаева М.И.* Записные книжки и дневниковая проза. — М.: Захаров, 2002. С. 241.

Литература

- Эпштейн М.Н.* Стереэтика. Двойственность добродетели и «алмазно-золотое правило» // *Эпштейн М.Н.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 745–760.
- Epstein M. *The Transformative Humanities: A Manifesto.* New York and London: Bloomsbury Academic, 2012. PP. 217–224.

Михаил Эпштейн

АМОРТ (Amort; от *лат.* amor — любовь; *лат.* mors — смерть), **любомор** (корни «люб» + «мор», через соединительную гласную «о») — двойной инстинкт любви и смерти, единство эроса и танатоса. Термин «**аморт**» независимо придумали Михаил Эпштейн (amort, 2003) и Сергей Соловьев (роман «Аморт», 2005).

А. и Л. — редкие в языке слова-оксюмороны, сочетающие в себе основы с противоположным значением «любовь» и «смерть». Обычно оксюмороны выражаются сочетанием слов, например, «белая ворона», «сладкие муки», «живой труп», «яркий сумрак», «светлая печаль», «виртуальная реальность». Примеры оксюморонимов (слов-оксюморонов): «хладнокровный», «тянитолкай», «благоглупость», «благоподлость», «злоброе».

Примеры употребления:

Любомор — имя великого ревнителя, Творца и Правителя вселенной.

Могучий и страшный бог **Любомор** властвует и над любовными порывами души, и над подземным царством смерти.

В какой-то степени эта фигура освещает открытия психоанализа об амбивалентности человеческих влечений, о связи Эроса и Танатоса. У Лермонтова поцелуй Демона убивает Тамару...

Эта же линия прослеживается и в «Идиоте» Достоевского, где **Любомор** выступает в облике звероподобного Рогожина, страсть которого к Настасье Филипповне завершается ритуальным ее растерзанием.

На **Любомора** как вдохновителя разрушительных страстей можно найти ссылку у Тютчева: «О, как убийственно мы любим, / Как в буйной слепости страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей!».

Амортальность, любоморство — любовь как истязание, мучительство.

Любоморство — это российский вариант садизма, перевернутый по отношению к европейскому. Садист истязает, причиняет боль — и потому любит и наслаждается. **Любомор** любит — и потому причиняет боль. Наше доморощенное **любоморство** вошло в пословицы. «Бьет, значит, любит». «Не бьет — не любит».

Любомор, который убивает все, чего ни коснется своей любовью, — символ советской цивилизации, которая щедро наставляла на путь спасения-гибели избранные народы. Коммунизм **амортален**: ради счастья всего человечества он готов истребить лучшую его часть.

Нет никаких оснований приписывать **любоморство** только психологии или мифологии славянства. **Амортальность** присуща всем нациям: «Ведь каждый, кто на свете жил, / Любимых убивал, / Один — жестокостью, другой — / Отравую похвал, / Коварным поцелуем — трус, / А смелый — наповал» (*Оскар Уайльд*. Баллада Рэдингской тюрьмы).

Любоморье — царство **Любомора**; место, страна, где любовь и смерть неразлучны друг с другом.

*Мы все выросли со сказочным лукоморьем в мечтах — а оно обернулось **любоморьем**, где люди из любви к человечеству уничтожали друг друга.*

Блок — величайший поэт **Любоморья**: «Глаз молчит, золотистый и карий, / Горла тонкие ищут персты... / Подойди. Подползи. Я ударю — / И, как кошка, ощерись ты...» (из цикла «Черная кровь», 1914). «Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя, / И обливаясь черной кровью, / Она глядит, глядит, глядит в тебя / И с ненавистью, и с любовью!.. / Да, так любить, как любит наша кровь, / Никто из вас давно не любит! Забыли вы, что в мире есть любовь, / Которая и жжет, и губит!» («Скифы», 1918). «Любовь, которая и жжет, и губит». Трудно точнее передать эту муку **любоморства**, которая проходит через все отношение России к Западу.

***Оксюморонимы, Эротология.**

Литература

Эпштейн М.П. Любовь, переходящая в смерть (2003). <http://www.emory.edu/INTELNET/dar79.html>

Соловьев С. Аморт (роман). — М.: Зебра Е, 2005.

Михаил Эпштейн

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МЕРА (Anthropological Measure) в современных гуманитарных науках — интервал, система референции, предел, границы, диапазон «особости», индивидуальности, уникальности человека, условия его самоотдельности и качественной (специфически человеческой) определенности.

Для философии всегда был характерен интерес к отысканию адекватной **А. м.**, причем меры «естественной», вырастающей изнутри, из самой природы человеческого и способа его бытия. В связи с этим тема **А. м.** всегда была связана: с поисками сущности, идентичности и динамики человеческого, с активностью человека в становлении и самополагании; с темой антропологических границ и пределов; с поисками адекватной шкалы и точки отсчета (системы референции) человеческого; а также с попытками философской и социокультурной экспертизы Иного (как того, что ограничивает собственно человеческое, и как того, что нередко антропологическую меру задает).

В ходе такого поиска философское мышление, как правило, наталкивалось на логико-семантические парадоксы, многие из которых находили свое разрешение путем создания онтологий, а priori полагающих трансцендентное присущим «феноменальному» человеку и наличному человеческому опыту в качестве антропологической сущности и меры подлинности человеческого существования. Моделируемый философией человек тем самым обретал специфическую размерность или в отождествлении, или в противопоставлении Иному, тому, что выходило за рамки его наличного опыта и способа бытия, а сама **А. м.** оказывалась отражением противоречия между различными измерениями универсума или собственно человеческими модусами бытия.

Генезис этого понятия позволяет выявить ряд смыслов и коннотаций: эквивалент мудрости, гармонии и порядка; мера-пропорция; эталонный образец. Не менее важный момент связан с мерой как с «золотой серединой», размеренностью, равновесным центром между избыточностью и недостаточностью, а также с понятием оптимума и совершенства. Мера не просто существует объективно, но задается человеком, прилагается им к конкретным вещам и процессам. Человек выступает мерой всех вещей. Благодаря диалектической логике Гегеля полисемантема меры приобретает динамику саморазвивающегося, самодвижущегося понятия, становится категорией, имманентно связанной с противоречием, с тенденцией к превышению и изменению наличной меры. При этом притязания на знание,

определение, задание меры предполагают знание не только границ, но и того, что ограничивает, Иного как другого, чужого, внеположенного, трансцендентного исходному состоянию или опыту. Попытки философии игнорировать «Иное» (упразднить инакость и инаковость как объективный факт и субъективный смысл) лишают философский вопрос о человеческом его качественной стороны.

Несмотря на то что социокультурная действительность, гуманитарная литература и обыденная речь изобилуют нормами и стандартами, рассуждениями о мере человеческого в человеке (степени его гуманности, бесчеловечности и сверхчеловечности), вопрос о возможности применения категории меры к человеку и очеловеченному миру (вопрос об унификации, стандартизации меры, о правомерности измерения собственно человеческого в каких-либо известных единицах измерения) до сих пор не разрешен положительно.

В философии принято выделять простую, или непосредственную, меру, системную меру и реальную меру. Применительно к человеку аперспективная, фиксированная как наличное состояние современного человека совокупность признаков и черт человеческого (как среднестатистического *homo sapiens*) составляет его простую непосредственную меру. Системная мера определяется, принимая во внимание масштабные «системы погружения» (природа, социум, вселенная и т. д.) человеческого, а также его положение внутри данных систем, отношение человека к границе (центральность, периферийность и т. д.). Системная мера задает многомерного человека, в ней некоторая связанность плюральных измерений обеспечивается за счет общего контекста системы. Реальная же (перспективная) мера как мера человека, рассматриваемого с точки зрения всех его возможных (и невозможных) систем взаимодействия, в которых репрезентируется его качество, есть иномерность — мера, задаваемая во взаимодействии и перспективе актуализации Иного, в том числе и онтологически запредельного человеческому.

Юлия Шичанина

АРХЕСЕМИКА (Archesemics; от *греч.* ἀρχή — начало; *греч.* σῆμα — знак) — одна из дисциплин **квадривиума семиотического** (см.), а также соответствующий тип семиотических отношений. **А.** представляет собой отношения «знак — код». Действительно, архесемические отношения отличаются от синтаксических (знак — знак), семантических (знак — предмет) и прагматических (знак — пользователь). Отношение любого варианта к структурному инварианту является архесемическим. Каждый текстовый сегмент находится в определенном отношении к системе (парадигме) элементов, образующих кодовую структуру. В принципе парадигматико-синтагматические отношения и являются областью **А.** Архесемические отношения давно и плодотворно изучаются, но почему-то, как правило, не выделяются в самостоятельный тип знаковых отношений, отличный от синтактики, семантики и прагматики.

Например, высказывание «Я говорю по-русски» имеет свою внутреннюю синтаксическую структуру, семантически связано с предметным миром, прагматически используется общающимся и архесемически относится к парадигматике русского языка.

Литература

Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб., 2000.

Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. — М., 1998.

Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. — М.: Екатеринбург, 2001.

Степанов Ю.С. Язык и мет. д. К современной философии языка. — М., 1998.

Шелковников А.Ю. Философия семиотики. — М., 2006.

Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М., 1994.

Андрей Шелковников